

Я. И. ГИЛИНСКИЙ,

декан юридического факультета Балтийского университета экономики и права,
заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

«ВСЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ РАЗУМНО»

Во все времена люди тщетно пытались ликвидировать нежелательные виды поведения — преступность, пьянство, наркотизм, сексуальные извращения и т. п. При этом человечество испробовало все мыслимые методы воздействия на «девиантов», включая пытки, квалифицированные виды смертной казни, галеры, каторгу, тюрьмы.

Лишь со временем стали осознаваться некоторые закономерности социального зла. Во-первых, не существует поведенческих форм, преступных по своему содержанию. Даже причинение смерти другому человеку может быть как преступлением — убийство, так и легальным действием — необходимая оборона, исполнение приговора суда к смертной казни, а то и весьма поощряемым, «подвигом» — убийство врага на войне. Все виды девиантности суть социальные конструкты. Общество или государство определяют, что в данное время признается недопустимым, нарушающим моральные или правовые нормы (напомним, что в средневековой Испании курение табака наказывалось смертной казнью, употребление каннабиса легально в современной Голландии, а потребление вина недопустимо в исламском мире).

Во-вторых, девиации в природе (флуктуации, мутации) и обществе служат *механизмом изменчивости*, а следовательно, существования и развития каждой системы. Как заметил еще Лукреций, без «отклонений» (*clinamen*) «ничего никогда породить не могла бы природа»¹.

В-третьих, все виды и формы человеческого поведения, которые неадаптивны, нефункциональны, давно элиминировались в процессе человеческой истории. А те, что остались — адаптивны, функциональны и, следовательно, по Гегелю, «разумны» («имеют основание»).

Какие же социальные функции, явные или латентные (Р. Мертон) выполняют различные виды девиантности?

Еще Э. Дюркгейм утверждал нормальность преступности, точнее, определенного ее уровня, для любого общества. «Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно». Более того, «сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит»². Дюркгейм ссылаясь при этом на Сократа, приговоренного соотечественниками к смертной казни, но служившего провозвестником новой морали. А разве не служили предтечами новых — рыночных отношений такие «преступления» советского периода, как «спекуляция», «валютные операции», «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество»?

В свое время я указывал такие функции *преступности*, как экономическая (перераспределение товаров и услуг в условиях государственной экономики), политическая (форма протеста против существующих общественных отношений), культурологическая

¹ Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 68.

² Дюркгейм Э. Норма и патология: Социология преступности. М., 1966. С. 40, 43.

(средство самоутверждения личности, субкультура, определенный образ жизни)¹.

В американской литературе описываются функции *коррупции*: упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.²

Потребление *наркотиков* и *алкоголя* выполняет следующие функции: анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков и алкоголя может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из «элитарных», «престижных» сортов (например кокаина, французского коньяка) играет престижно-статусную роль. Вот, кстати, почему я убежден, что рано или поздно потребление наркотиков будет легализовано во всем мире. Это единственный способ «победить» наркомафию, так же как отмена «сухого закона» в США привела в 30-е гг. минувшего столетия к ликвидации бутлегерства.

Еще древние, включая апостолов христианства, понимали функции *проституции*. Один из современников Солона (VI в. до н. э.), впервые открывшего публичные дома, воспеваает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании одна из социальных функций проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Остается лишь удивляться нынешним российским борцам за нравственность, требующим криминализировать проституцию.

Сложнее обстоит дело с оценкой *гомосексуализма*. Распространенность однополых люб-

ви известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древних Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. Более того, гомосексуализм распространен и в животном мире.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1–6 % мужчин и 1–4 % женщин. Эти цифры — «нижний предел», так как общее число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению Кинзи, до 48 % мужчин и 19 % женщин³ (27 % по данным К. Дэвиса).

Даже если исходить из минимальных показателей 1–2 %, в России должно быть не менее 1,5–3 млн человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Из всех видов девиантности истинный или врожденный гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» (а, следовательно, и нормален) по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли гомосексуализм относить к социальным отклонениям. Вообще, сексуальное поведение и его направленность формируется под воздействием многих биологических, психологических, социальных факторов. Гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна и безусловна, как это представляется обыденному сознанию. Неслучайно различают пол генетический, или хромосомный (хромосомы XX у самок и XY у самцов), гормональный (обусловливаемый мужскими или женскими половыми гормонами), генитальный и основанный на нем гражданский (иначе — паспортный или акушерский) и, наконец, «субъективный» пол как гендерная аутоидентификация. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит гермафродитизм — врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же транссексуализма лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и бисексуальной (влечение к лицам обоего пола). Возможно одновременное наличие женских и мужских

¹ Гилинский Я. И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 54.

² Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972.

³ Kinsey A. Sexual Behavior in the Human Male / A. Kinsey, W. Pomeroy, C. Martin. Philadelphia, PA: W. B. Saunders, 1948; Sexual Behavior in the Human Female / A. Kinsey, W. Pomeroy, C. Martin, P. Gebhard. Philadelphia, PA: W. B. Saunders, 1953.

свойств, в том числе психологических, у одного индивида (андрогиния или бисексуальность в широком смысле слова).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции.

Я вынужден столь подробно остановиться на проблеме гомосексуализма, поскольку последние события с запретом, а затем жестоким разгоном демонстрации геев в Москве (май 2006 г.) лишний раз свидетельствуют о на-

шей дремучести, нетерпимости, ксенофобии. Весьма неприглядную роль в разжигании ксенофобии играет и Русская православная церковь.

Наконец, все виды девиантности выполняют существеннейшую функцию: разграничение дозволенного и недозволенного и интеграция, консолидация нормопослушных граждан, противопоставляющих себя девиантам.

Вышесказанное отнюдь не преследует цель «оправдания» всех девиантных проявлений, в частности, насильственных преступлений или «беловоротничковой» преступности. Пафос изложенного — в призыве задуматься о природе и функциях различных социальных явлений, а следовательно, и об адекватных формах и методах социального контроля, в отличие от истерии и кликушества с соответствующими требованиями «усилить борьбу», «сажать», «стрелять».